

Валентин Пикуль

В стороне от большого света

*Часть сборника
Через тернии – к звездам.
Исторические миниатюры*

Валентин Саввич Пикуль
В стороне от большого света
Серия «Через тернии
– к звездам», книга 38

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164159

*Пикуль В. Через тернии – к звездам. Исторические миниатюры: АСТ,
Вече; 2002*

ISBN 5-17-010665-3, 5-7838-0969-1

Аннотация

«...Постепенно имя Юлии Жадовской становилось известно. Где-то там, в ином мире, нашлись добрые люди, уже хлопотали об издании сборника ее стихов, приехал в Ярославль известный тогда переводчик Михаил Вронченко, брат министра финансов, внушал отцу, что нельзя же томить дочь взаперти, грешно командовать поэтессе, чтобы гасила в комнате лампу ровно за час до полуночи, наконец, она уже не принадлежит сама себе – ее должны видеть в столицах... Что бы ни говорили о ней, Юлия оставалась равнодушна к людским похвалам...»

Валентин Пикуль

В стороне от большого света

Историческая миниатюра

В стороне от большого света, в захудалой деревушке Буйского уезда Костромской губернии, летом 1883 года умирала одинокая и очень странная женщина. Подле нее находилась близкая ей кухня, и если верить ее описанию болезни, то больная страдала от приступов стенокардии (или «грудной жабы», как говорят в народе)...

Однажды, после очередного приступа, кухня услышала от умиравшей трогательную просьбу:

– Заклинаю тебя всеми святыми – не пиши мою биографию и никому не рассказывай о моей постылой жизни. Сколько раз так бывало, что умрет человек, а потом на его могилу навалит с три короба всякого мусора, каждое слово переиначат на свой лад, каждую строчку вывернут наизнанку. Не было славы при жизни – не нуждаюсь и в славе по-смертной!

Она умерла, ее тихо отпели в деревенской церкви, под кровлей которой ворковали голуби, и не было лавровых венков, как не было и рыданий толпы – наследница нарвала цве-

тов, посаженных еще по весне покойной, и этими цветами украсила скромные похороны. Через шесть лет кузина и наследница, разведенная с мужем, сильно нуждаясь, предложила стихи покойной в «Ярославские Губернские Ведомости». Газета опубликовала их в одном из номеров 1889 года. Наследница поэтессы, зная, что существует такое понятие, как «гонорар», явилась в редакцию, просила денег – хоть малую толику.

– Гонорар? – весело удивились в редакции. – Это не мы вам, а вы сами должны заплатить нам за то, что мы тиснули этот старомодный *хлам*.

– Странно, – сказала наследница, прослезившись. – Стихи моей покойной кузины хвалил Белинский, о них горячо отзывался Добролюбов, а вы называете их «хламом».

– Времена изменились, да и читатель пошел иной, – отвечали ей. – Что могло нравиться вашим белинским и добролюбовым, то совсем не нужно современному поколению.

Сжалившись, ей все-таки выплатили три рубля, и женщина, униженно благодаря, покинула редакцию, невольно припомнив строчки, посмертно опубликованные в официозе губернии:

Любовь усыплю я, пока еще время холодной рукою
Не вырвало чувство из трепетной груди,
Любовь усыплю я, покуда безумно своей клеветою
Святыню ея не унизили люди...

Валериан Никандрович, капитан-лейтенант флота в отставке, не оставил даже царапины на скрижалях боевой славы флота российского, зато, когда поселился в своем Субботне под Ярославлем, он все переделал на флотский лад, сочтя усадьбу кораблем, пребывающим в долгом плавании. Звенела рында, чтобы вставали, по свистку старосты-боцмана дружно шагало стадо коров на выпас, а лакеи в доме Жадовского уже не ходили, как нормальные люди, а носились опрометью, словно матросы при срочном аврале, когда от постановки или уборки паруса зависит жизнь всего ошалевшего от ужаса экипажа...

В отличие от мужа, его жена, Александра Ивановна, взятая Жадовским из культурной семьи Готовцевых, была женщиной тихой, сентиментальной: в 1821 году она вышла из Смольного института, оставив свое имя на «золотой доске» ученых девиц. Тайком от грозного повелителя она сочиняла печальные стихи, в его присутствии она боялась коснуться клавиш фортепиано. Беременность юной женщины совпала как раз с распоряжением мужа переделать в доме лестницы, которые показались ему чересчур пологими:

– Эдак-то мои лакеи совсем разленятся, а мне для их скорости необходима крутизна корабельных штормтрапов...

Старый лакей, несущий господам самовар, пострадал первым, а потом упала и разбилась жена на середине беременности. 29 июня 1824 года она родила девочку, и домашние боялись показать ее матери. Ребенок оказался уродом. У него

совсем не было левой руки, но возле плеча из тела торчали два пальца, а на правой руке – только три пальца, один из которых не двигался. Но мать оставалась матерью, и, несчастная в браке, она расцеловала свою малютку:

– Пусть она станет гордою Юлией и будет она моим утешением в этой жизни, которой я, увы, не радуюсь...

Юлия Жадовская еще от пеленок удивляла домашних ловкостью, с какой обходилась одной ручкой. Однажды ей захотелось варенья, и мать в ужасе увидела, что ее дитя подносит блюдце, схваченное пальцами... ноги. Отец соизволил заметить, что ему совсем не нужна дочь, которая пользуется ногами, словно обезьяна, и покорная мать наказала нянькам, чтобы Юленьку обували. Но даже в сапожках девочка помогала ногами своей единственной руке (и это свойство Жадовская сохранила на всю жизнь, особенно в женских рукоделиях).

Через год мадам Жадовская родила сына Павла и, *не вынеся тирании мужа,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.